

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Произведенія Эдгара По представляютъ изъ себя тотъ первоисточникъ, въ которомъ черпали многія изъ своихъ вдохновеній и заимствовали многіе изъ своихъ художественныхъ приемовъ властители цѣлыхъ поколѣній, Бодлъръ, Вилье де - Лиль - Адамъ, Малларме, Метерлинкъ, - Оскаръ Уайльдъ, и другіе. Даже въ нашемъ великомъ Достоевскомъ чувствуется вліяніе Эдгара По. Художественная передача его произведеній имѣетъ, такимъ образомъ, не только непосредственное значеніе, но и косвенное. Кто интересуется психологіей современной души, тотъ найдетъ въ нихъ цѣлый рядъ незамѣнимыхъ указаній.

Многія изъ собранныхъ здѣсь произведеній Эдгара По появляются въ печати впервые. Другія были уже напечатаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ („Баллады и Фантазіи“, „Таинственные рассказы“). Текстъ этихъ послѣднихъ тщательно пересмотрѣнъ и во многихъ мѣстахъ совершенно переработанъ.

„Скорпионъ“.

ЭДГАРЪ ПО

(1809—1849)

Онъ былъ страстный и причудливый безумный человѣкъ.

Овальный Портретъ.

Нѣкоторые считали его сумасшедшимъ. Его приближенные знали достоверно, что это не такъ.

Маска Красной Смерти.

Есть удивительное напряженное состояніе ума, когда человѣкъ сильнѣе, умнѣе, красивѣе самого себя. Это состояніе можно назвать праздникомъ умственной жизни. Мысль воспринимаетъ тогда все въ необычныхъ очертаніяхъ, открываются неожиданныя перспективы, возникаютъ поразительныя сочетанія, обостренныя чувства во всемъ улавливаютъ новизну, предчувствіе и воспоминаніе усиливаютъ личность двойнымъ внушеніемъ, и крылатая душа видитъ себя въ мірѣ расширенномъ и углубленномъ. Такія состоянія, приближающія насъ къ мірамъ запредѣльнымъ, бываютъ у каждого, какъ бы въ подтвержденіе великаго принципа конечной равноправности всѣхъ душъ. Но однихъ они посѣщаютъ, быть можетъ, только разъ въ жизни, надъ другими, то сильнѣе, то слабѣе, они простираютъ почти безпрерывное вліяніе, и есть избранники, которымъ дано въ каждую полночь видѣть привидѣнія, и съ каждымъ разсвѣтомъ слышать біеніе новыхъ жизней.

Къ числу такихъ немногихъ избранниковъ принадлежалъ величайшій изъ поэтовъ - символистовъ Эдгаръ По. Это — сама напряженность, это — воплощенный экстазъ — сдержанная ярость вулкана, выбрасывающаго лаву изъ нѣдръ земли въ вышній воздухъ — полная зноя, котельная могучей фабрики, охваченная шумами огня, который, приводя въ движеніе множество станковъ, ежеминутно заставляетъ опасаться взрыва.

Въ одномъ изъ своихъ наиболѣе таинственныхъ разсказовъ, „Человѣкъ толпы“, Эдгаръ По описываетъ загадочнаго старика, лицо котораго напомнило ему образъ Дьявола. „Бросивъ бѣглый взглядъ на лицо этого бродяги, затаившаго какую-то страшную тайну, я получилъ“, говоритъ онъ, „представленіе о громадной умственной силѣ, объ осторожности, скаредности, алчности, хладнокровіи, коварствѣ, кровожадности, о торжествѣ, о веселости, о крайнемъ ужасѣ, о напряженномъ—и безконечномъ отчаяніи“. Если нѣсколько измѣнить слова этой сложной характеристики, мы получимъ точный портретъ самого поэта. Смотря на лицо Эдгара По, и читая его произведенія, получаешь представленіе о громадной умственной силѣ, о крайней осторожности въ выборѣ художественныхъ эффектовъ, объ утонченной скупости въ пользованіи словами, указывающей на великую любовь къ слову, о ненасытимой алчности души, о мудромъ хладнокровіи избранника, держающаго на то, передъ чѣмъ отступаютъ другіе, о торжествѣ законченнаго художника, о безумной веселости безысходнаго ужаса, являющагося неизбѣжностью для такой души, о напряженномъ и безконечномъ отчаяніи. Загадочный старикъ, чтобы не остаться наединѣ съ своей страшной тайной, безустали скитается въ людской толпѣ; какъ Вѣчный Жидъ, онъ бѣжитъ съ одного мѣста на другое, и когда пустѣютъ нарядные кварталы города, онъ, какъ отверженный, спѣшитъ въ нищенскіе закоулки, гдѣ омерзительная нечисть гноится въ застоявшихся каналахъ. Такъ точно Эдгаръ По, проникнувшись философскимъ отчаяньемъ, затаивъ въ себѣ тайну пониманія міровой жизни, какъ кошмарной игры Большаго въ меньшемъ, всю жизнь былъ подъ властью демона скитанія, и отъ са-

мыхъ воздушныхъ гимновъ серафима переходилъ къ самымъ чудовищнымъ ямамъ нашей жизни, чтобы черезъ остроту ощущенія соприкоснуться съ инымъ міромъ, чтобы и здѣсь, въ провалахъ уродства, увидѣть хотя сѣрное сіянье. И какъ загадочный старикъ былъ одѣтъ въ затасканное бѣлье хорошаго качества, а подъ тщательно застегнутымъ плащомъ скрывалъ что-то блестящее, брилліанты или кинжалъ, такъ Эдгаръ По въ своей искаженной жизни всегда оставался прекраснымъ демономъ, и надъ его творчествомъ никогда не погаснетъ изумрудное сіяніе Люцифера.

Это была планета безъ орбиты, какъ его называли враги, думая унижить поэта, котораго они возвеличили такимъ названіемъ, сразу указывающимъ, что это — душа исключительная, слѣдующая въ мірѣ своими необычными путями, и горящая не блѣднымъ сіяньемъ полуспящихъ звѣздъ, а яркимъ особымъ блескомъ кометы. Эдгаръ По былъ изъ расы причудливыхъ изобрѣтателей новаго. Идя по дорогѣ, которую мы какъ будто уже давно знаемъ, онъ вдругъ заставляетъ насъ обратиться къ какимъ-то неожиданнымъ поворотамъ, и открываетъ не только уголки, но и огромныя равнины, которыхъ раньше не касался нашъ взглядъ, заставляетъ насъ дышать запахомъ травъ, до тѣхъ поръ никогда нами невиданныхъ, и однако же странно напоминающихъ нашей душѣ о чемъ-то бывшемъ очень давно, случившемся съ нами гдѣ-то не здѣсь. И слѣдъ отъ такого чувства остается въ душѣ надолго, пробуждая или пересоздавая въ ней какія-то скрытыя способности, такъ что послѣ прочтенія той или другой необыкновенной страницы, написанной безумнымъ Эдгаромъ, мы смотримъ на самые повседневные предметы инымъ проникновеннымъ взглядомъ. Событія, которыя онъ описываетъ, всѣ проходятъ въ замкнутой душѣ самого поэта; страшно похожія на жизнь, они совершаются гдѣ-то внѣ жизни, *out of space—out of time*. внѣ времени — внѣ пространства, ихъ видишь сквозь какое-то окно и, лихорадочно слѣдя за ними, дрожишь, оттого что не можешь съ ними соединиться.

Языкъ, замыслы, художественная манера, все отмѣчено въ Эдгарѣ По ярко печатью новизны. Никто изъ англій-

скихъ или американскихъ поэтовъ не зналъ до него, что можно сдѣлать съ англійскимъ стихомъ прихотливымъ сопоставленіемъ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаній. Эдгаръ По взялъ лютню, натянулъ струны, онѣ выпрямились, блеснули, и вдругъ запѣли всею скрытою силой серебряныхъ перезвоновъ. Никто не зналъ до него, что сказки можно соединять съ философіей. Онъ слилъ въ органически - цѣльное единство художественныя настроенія и логическіе результаты высшихъ умозрѣній, сочеталъ двѣ краски въ одну, и создалъ новую литературную форму, философскія сказки, гипнотизирующія одновременно и наше чувство, и нашъ умъ. Мѣтко опредѣливъ, что происхожденіе Поэзіи кроется въ жадѣ Красоты болѣе безумной, чѣмъ та, которую намъ можетъ дать Земля, Эдгаръ По стремился утолить эту жажду созданіемъ неземныхъ образовъ. Его пейзажи измѣнены, какъ въ сновидѣніяхъ, гдѣ тѣ же предметы кажутся иными. Его водовороты затягиваютъ въ себя, и въ то же время заставляютъ думать о Богѣ, будучи пронизаны до самой глубины призрачнымъ блескомъ мѣсяца. Его женщины должны умирать преждевременно, и, какъ вѣрно говорить Бодлъръ, ихъ лица окружены тѣмъ золотымъ сіяніемъ, которое неотлучно соединено съ лицами святыхъ.

Колумбъ новыхъ областей въ человѣческой душѣ, онъ первый сознательно задался мыслью ввести уродство въ область красоты, и, съ лукавствомъ мудраго мага, создалъ поэзію ужаса. Онъ первый угадалъ поэзію распадающихся величественныхъ зданій, угадалъ жизнь корабля, какъ одухотвореннаго существа, уловилъ великій символизмъ явленій моря, установилъ художественную, полную волнующихъ намековъ, связь между человѣческой душой и неодушевленными предметами, пророчески почувствовалъ настроенія нашихъ дней, и, въ подавляющихъ мрачностью красокъ картинахъ, изобразилъ чудовищныя — неизбежныя для души—послѣдствія механическаго міросозерцанія.

Въ „Паденіи Дома Эшерь“ онъ для будущихъ временъ нарисовалъ душевное распаденіе личности, гибнущей изъ-за своей утонченности. Въ „Овальномъ портретѣ“ онъ показалъ невозможность любви, потому что душа, исходя изъ созер-

цанья земного любимаго образа, возводитъ его, роковымъ восходящимъ путемъ, къ идеальной мечтѣ, къ запредѣльному первообразу, и, какъ только этотъ путь пройденъ, земной образъ лишается своихъ красокъ, отпадаетъ, умираетъ, и остается только мечта, прекрасная, какъ созданіе искусства, но—изъ иного міра, чѣмъ міръ земного счастья. Въ „Демонѣ извращенности“, въ „Вильямѣ Вильсонѣ“, въ сказкѣ „Черный котъ“, онъ изобразилъ непобѣдимую стихійность совѣсти, какъ ее не изображалъ до него еще никто. Въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Нисхожденіе въ Мальстрѣмъ“, „Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ“ и „Повѣствованія Артура Гордона Пима“, онъ символически представилъ безнадежность нашихъ душевныхъ исканій, логическія стѣны, вырастающія передъ нами, когда мы идемъ по путямъ познанія. Въ лучшей своей сказкѣ, „Молчаніе“, онъ изобразилъ протекающій отсюда ужасъ, нестерпимую пытку, болѣе острую, чѣмъ отчаяніе, возникающую отъ сознанія того молчанія, которымъ окружены мы навсегда. Дальше, за этимъ сознаніемъ, начинается безпредѣльное царство смерти, фосфорическій блескъ разложенія, ярость смерча, самумы, бѣшенство бурь, которыя, свирѣпствуя извнѣ, проникаютъ и въ людскія обиталища, заставляя драпри шевелиться и двигаться змѣиными движеніями—царство, полное сплина, страха и ужаса, искаженныхъ призраковъ, глазъ, расширенныхъ отъ нестерпимаго испуга, чудовищной блѣдности, чумныхъ дыханій, кровавыхъ пятенъ, и бѣлыхъ цвѣтовъ, застывшихъ, и еще болѣе страшныхъ, чѣмъ кровь.

Человѣкъ, носившій въ своемъ сердцу такую остроту и сложность, неизбѣжно долженъ былъ страдать глубоко и погибнуть трагически, какъ это и случилось въ дѣйствительности.

Отдѣльные слова людей, соприкасавшихся съ этимъ великимъ поэтомъ, характеризующія его, какъ человѣка, на ходятся въ полной гармоніи съ его поэзіей. Онъ говорил тихимъ сдержаннымъ голосомъ. У него были женственныя но не изнѣженныя манеры. У него были изящныя маленькія руки и красивый ротъ, искаженный горькимъ выраже

ніемъ. Его глаза пугали и приковывали, ихъ окраска была измѣнчивой, то цвѣта морской волны, то цвѣта ночной фіалки. Онъ рѣдко улыбался, и не смѣялся никогда. Онъ не могъ смѣяться—для него не было обмановъ. Какъ родствен- ный ему Де-Куинси, онъ никогда не предполагалъ — онъ всегда зналъ. Какъ его собственный герой, капитанъ фантастическаго корабля, бѣгущаго въ полосѣ скрытаго теченія къ южному полюсу, онъ во имя Открытія спѣшилъ къ гибели, и хотя на лицѣ у него было мало морщинъ, но на немъ лежала печать, указывающая на мириады лѣтъ.

Его поэзія, ближе всѣхъ другихъ стоящая къ нашей сложной больной душѣ, есть воплощеніе царственнаго Сознанія, которое съ ужасомъ глядитъ на обступившую его со всѣхъ сторонъ неизбежность дикаго Хаоса.

К. Бальмонтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ издателей	V
Эдгаръ По	VII

Поэмы:

Воронъ	1
Колокольчики и колокола	5
Аннабель - Ли	9
Улялюмъ	11
Къ Еленѣ	15
Линоръ	18
Лелли	20
Недавно тотъ, кто пишетъ эти строки	22
Моей матери	24
Молчаніе	25
Занте	26
Къ одной изъ тѣхъ, которыя въ раю	27
Изъ всѣхъ, кому тебя увидѣтъ—утро	29
Сонъ во снѣ	30
Одинъ прохожу я свой путь безутѣшный	32
Я не скорблю, что мой земной удѣлъ	33
Колизей	34
Эльдорадо	37
Червь - побѣдитель	39
Заколдованный замокъ	41
Долина тревоги	43
Городъ на морѣ	45
Страна сновъ	46
Израфель	47

Сказки:

Метценгерштейнъ	55
Сказка извилистыхъ горъ	67
Месмерическое откровеніе	81
Могущество словъ	95
Бесѣда между Моносомъ и Уной	101
Разговоръ между Эйросомъ и Харміоной	114
Гопъ - Фрогъ	122
Тѣнь	135
Островъ Феи	139
Овальный портретъ	146
Лигейя	153
Демонъ извращенности	174
Черный котъ	183
Нисхожденіе въ Мальстрёмъ	197
Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ	220
Маска Красной Смерти	235
Продолговатый ящикъ	243
Помѣстье Арнгеймъ	259
Коттэдждъ Лэндора	280
Паденіе Дома Эшеръ	297
Молчаніе	321